

ПРЕСС-АКЦИЯ «ПОКОРМИТЕ ПТИЦ!»

ДАВАЙТЕ ДЕЙСТВОВАТЬ ВМЕСТЕ!

Андрей Платонов

ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР

Окончание.
Начало в предыдущем номере

Старый музыкант понял, что седой знакомый воробей погиб навсегда в зимнем урагане. Снегопад, холодные дни и выюги часто не позволяли старику выходить на Тверской бульвар для игры на скрипке.

В такие дни музыкант сидел дома, и его единственным утешением было смотреть на замороженное оконное стекло, где складывалась и разрушалась в тишине картина заросшей волшебной страны, населённой, вероятно, одними поющими птицами. Старый человек не мог предположить, что его воробей живёт сейчас в тёплом, цветущем краю и спит по ночам на высокоом камне, подставив себя под ветер... В феврале месяце музыкант купил себе в зоологическом магазине на Арбате маленькую черепаху. Он читал когда-то, что черепахи живут долго, а старик не хотел, чтобы то существо, к которому привыкнет его сердце, погибло раньше его. В старости душа не заживает, она долго мучается памятью, поэтому пусть черепаха переживёт его смерть.

Живя вместе с черепахой, музыкант стал ходить к памятнику Пушкину совсем редко. Теперь он каждый вечер играл дома на скрипке, а черепаха медленно выходила на середину комнаты, вытягивала худую, длинную шею и слушала музыку. Она поворачивала голову немного в сторону от человека, точно для того, чтобы лучше было слышать, и один её чёрный глаз с кротким выражением смотрел на музыканта. Черепаха, наверно, боялась, что старик перестанет играть и ей опять станет скучно жить одной на голом полу. Но музыкант играл для черепахи до поздней ночи, пока черепаха не клала свою маленькую голову на пол в усталости и во сне. Дождав-

шись, когда у черепахи закроются глаза морщинами век, старик прятал скрипку в футляр и сам тоже ложился на покой. Но музыкант спал худо. В теле его то постреливало где-нибудь, то щемило, то заходило сердце, и он часто вдруг просыпался в страхе, что умирает. Обычно оказывалось, что он ещё живой и за окном, в московском переулке, продолжалась спокойная ночь. В марте месяце, проснувшись от замиранья сердца, старик услышал могучий ветер: стекло в окне оттаяло: ветер, наверно, дул с юга, с весенней стороны. И старый человек вспомнил про воробья и пожалел его, что он умер: скоро будет лето, на Тверском бульваре снова воскреснут деревья, и воробей пожил бы ещё на свете. А на зиму музыкант взял бы его к себе в комнату, воробей подружился бы с черепахой и свободно перенёс зиму в тепле, как на пенсии... Старик опять уснул, успокоившись тем, что у него есть живая черепаха и этого достаточно.

Воробей тоже спал в эту ночь, хотя и летел в ураганном южном ветре. Он проснулся только на одно мгновение, когда удар урагана сорвал его с возвышенного камня, но, обрадовавшись, сейчас же уснул вновь, сжавшись потеплее своим телом. Проснулся воробей уже засветло; ветер нёс его могучей силой в далёкую сторону. Воробей не боялся полёта и высоты; он пошевелился внутри урагана, как в тяжёлом, вязком тесте, проговорил сам для себя кое-что и почувствовал, что хочет есть. Воробей огляделся с осторожностью и заметил вокруг себя посторонние предметы. Он их тщательно рассмотрел и узнал: то были отдельные тучные ягодки из тёплой страны, зёрна, стручки и целые колосья, а немного подалеже от воробья летели даже целые кусты и древесные ветви. Значит, ветер взял с собою не одного его, воробья. Маленькое зерно мчалось совсем рядом с воробьём, но схватить его было трудно, благодаря тягости ветра: воробей несколько раз высывал клюв, а достать зерна не мог, потому что клюв упирался в бурю, как в камень. Тогда воробей начал вращаться вокруг самого себя: он перевернулся ножками вверх, выпустил одно крыло, и ветер сразу снёс его в

сторону – сначала к близкому зерну, и воробей враз склевал его, а потом воробей пробрался и к более дальним ягодам и колосьям. Он накормил себя досыта и, кроме того, научился, как нужно передвигаться почти поперёк бури. Покушав, воробей решил заснуть. Ему сейчас было хорошо: обильная пища летела рядом с ним, а холода или тепла среди урагана он не чувствовал. Воробей спал и просыпался, а проснувшись, опять ложился по ветру ножками вверх, чтобы дремать на покое. В промежутках между сном и другим он сытно кормился из окружающего воздуха; иногда какая-либо ягода или стручок со сладкой начинкой вплотную прибивались к телу воробья, и тогда ему оставалось только склевать и проглотить эту пищу. Однако воробей побаивался, что ветер когда-нибудь перестанет дуть, а он уже привык жить в буре и обильно питаться из неё. Ему не хотелось больше добывать себе корм на бульварах постоянным хищничеством, зябнуть по зимам и бродить пешком по пустому асфальту, чтобы не тратить сил на полёт против ветра. Он жалел только, что нет среди всего этого могучего ветра крошек кислого чёрного хлеба, – летит одна лишь сладость или горечь. К счастью для воробья, буря шла долго, и, просыпаясь, он снова чувствовал себя невесомым и пробовал напевать сам себе песню от удовлетворения жизнью.

В весенние вечера старый скрипач выходил играть к памятнику Пушкину почти ежедневно. Он брал с собою черепаху и ставил её на лапки возле себя. Во всё время музыки черепаха неподвижно слушала скрипку и в перерывы игры терпеливо ждала продолжения. Футляр от скрипки по-прежнему лежал на земле против памятника, но крышка футляра была теперь постоянно закрыта, потому что старик уже не ожидал к себе в гости своего воробья.

В один из погожих вечеров начался ветер со снегом. Музыкант спрятал черепаху за пазуху, сложил скрипку в футляр и пошёл на квартиру. Дома он, по обыкновению, накормил черепаху, а затем поместил её на покой в коробку с ватой. После этого старик хотел взяться за чай, чтобы согреть желудок и продлить время вечера.

Притча

Однако в примусе не оказалось керосина, и бутылка тоже была пустая. Музыкант пошёл покупать керосин на Бронную улицу. Ветер уже прекратился; падал слабый, влажный снег. На Бронной продажу керосина закрыли на переучёт товара, поэтому старику пришлось идти к Никитским воротам.

Закупив керосин, скрипач направился обратно домой по свежему, тающему снегу. Два мальчика стояли в воротах старого жилого дома, и один из них сказал музыканту:

– Дядя, купи у нас птичку... Нам на кино не хватает!

Скрипач остановился. – Давай, – сказал он. – А где вы её взяли?

– Она сама с неба на камни упала, – ответил мальчик и подальше отпустил птичку в двух сложенных горстях.

Птица, наверно, была мёртвая. Старик положил её в карман, уплатил мальчику двадцать копеек и пошёл дальше.

Дома музыкант вынул птичку из кармана на свет. Седой воробей лежал у него в руке; глаза его были закрыты, ножки беспомощно согнулись, и одно крыло висело без силы. Нельзя понять, обмер ли воробей на время или навечно. На всякий случай старик положил воробья себе за пазуху под ночную рубашку – к утру он либо отогреется, либо никогда более не проснётся.

Напившись чаю, музыкант бережно лёг спать на бок, не желая повредить воробья.

Вскоре старик задремал, но сразу же проснулся: воробей пошевелился у него под рубашкой и клевнул его в

тело. «Живой! – подумал старый человек. – Значит, сердце его отошло от смерти!» – и он вынул воробья из теплоты под свою рубашку.

Музыкант положил ожившую птичку на ночлег к черепахе. Она спала в коробке, – там лежала вата, там воробью будет мягко.

На рассвете старик окончательно проснулся и посмотрел, что делает воробей у черепахи.

Воробей лежал на вате тонкими ножками вверх, а черепаха, вытянув шею, смотрела на него добрыми, терпеливыми глазами. Воробей умер и забыл навсегда, что он был на свете.

Вечером старый музыкант не пошёл на Тверской бульвар. Он вынул скрипку из футляра и начал играть нежную, счастливую музыку. Черепаха вышла на середину комнаты и стала кротко слушать его одна. Но в музыке не хватало чего-то для полного утешения горящего сердца старика. Тогда он положил скрипку на место и заплакал.

Я стал доступен утешению;

За что на Бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать!

Памятник автору этих строк на Тверском бульваре – важнейший литературный образ в платоновской притче «...о воробье, унесённом ветром в рай и возвратившемся оттуда» (из записной книжки Андрея Платонова, 1936 г.). «Тверской бульвар» – изначальный заголовок (сегодня притча впервые печатается именно под этим заголовком). Андрей Платонов заменил его в надежде, что название «Любовь к родине» облегчит трудности с публикацией этой вещи.

Надежда оказалась тщетной – притча в печать не прошла. Красная площадь не уступила Тверскому бульвару, сердце отринуло душу.

Притча увидела свет спустя уже много лет после смерти автора, во времена хрущёвской «оттепели», под громоздким и поразительно узко акцентированным заголовком «Любовь к родине, или Путешествие воробья (Сказочное происшествие)».

В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.

В каждом из нас – кто любит мир и знает цену жизни – бьётся горящее сердце; каждый из нас нуждается в утешении, потому что все мы – и вольно, и невольно – наносим удар за ударом по жизни других существ.

Здесь скорбно и бессильно умоляет даже такой могучий целитель нашего сердца, как искусство. Здесь наша извечная вина взывает к искуплению.

Только прямое и неустанное пособничество торжеству чьих-то хрупких жизней, только спасение обречённого на гибель беспомощного существа может принести человеческому сердцу утешение, а душе – счастливое чувство собственной неодолимости и важности в мире.

P.S. Чёрный хлеб и то, что говорится о нём в притче, следует принимать как метафору, как образное выражение. В действительности кормить птиц чёрным ржаным хлебом категорически недопустимо.

Булат Окуджава

Приезжая семья фотографируется у памятника Пушкину

На фоне Пушкина снимается семейство.	На фоне Пушкина снимается семейство.
Фотограф щёлкает, и птичка вылетает.	Как обаятельны (для тех, кто понимает)
Фотограф щёлкает, но вот что интересно:	все наши глупости и мелкие злодейства
на фоне Пушкина! И птичка вылетает.	на фоне Пушкина! И птичка вылетает.
Все счёты кончены, и кончены все споры.	Мы будем счастливы (благодаренье снимку!).
Тверская улица течёт, куда, не знает.	Пусть жизнь короткая проносится и тает.
Какие женщины на нас кидают взоры	На веки вечные мы все теперь в обнимку
и улыбаются... И птичка вылетает.	на фоне Пушкина! И птичка вылетает.

Быль и предания

▲ ▲ ▲

По московскому бульвару неспешно бежит дворник с метлой и кричит:

– Я вот те постреляю!..

От дворника удирает мальчик с рогаткой и думает: «Вот сейчас убегу... Вот потом прибегу... Домой... Напьюсь молочка... И сяду читать... Корней Чуковского...»

А в это время усталый Корней Чуковский сидит на пленуме Союза писателей СССР и думает: «Какая серость!.. Какая бездарь!.. Где же русские писатели?... Вот приеду домой, напьюсь чаю с вареньем, сяду в кресло и буду читать Хемингуэя».

А в это время Хемингуэй пьёт виски в американском писательском клубе и думает: «Эти ослы воображают, что они в самом деле писатели! Вот вернусь домой и сяду читать Андрея Платонова».

А в это время Андрей Платонов с метлой бежит по московскому бульвару за мальчиком с рогаткой и кричит:

– Я вот те постреляю!..

▲ ▲ ▲

Однажды на семинаре в Литературном институте студенты спросили: кто из современных русских писателей самый лучший?

Старый писатель, проводивший семинар, взглянул в окно и движением руки подозвал к себе студентов:

– Видите дворника? Вот этот дворник и есть лучший русский писатель.

Двор Литературного института подметал Андрей Платонов.

▲ ▲ ▲

Один из античных правителей, известный своими военными неудачами, оказавшись после смерти в царстве теней, попросил богов показать ему самого способного полководца.

Ему показали.

– Да я же его знаю! – воскликнул изумлённый правитель. – Но ведь он был всю жизнь горшечником...

– Вот поэтому ты и не смог выиграть ни одного сражения, – услышал в ответ правитель.

▲ ▲ ▲

«Ничего не меняется в нашем мире: как и прежде, молодёжь не хочет слушать старших, а всякий невежда мнит себя писателем».

Это изречение учёные открыли на папирусе древнего свитка.

▲ ▲ ▲

Многие творения Платонова, и в первую очередь «Чевенгур», остава-

лись под запретом ещё долгое время после смерти писателя.

За нелегальное ознакомление советских граждан с текстом романа «Чевенгур» можно было легко загреметь в тюрьму. Такая печальная участь постигла, например, в 1982 году иркутского журналиста Бориса Черных.

▲ ▲ ▲

Кто же мы, если взяли нас на взгляд со стороны?

Андрей Платонов описывает земную жизнь с такой иноземной зоркостью, с таким неземным (как и Гоголь) акцентом и в таком надземном ракурсе, будто прибыл сюда откуда-то с другой планеты, специальным корреспондентом Космоса – сообщить землянам, что «будет братство звёзд, зверей, трав и человека» («Рассказ о многих интересных вещах», 1923 г.).

Такие посланцы время от времени появляются на нашем грустном свете, и тогда мы с удивлением и восхищением читаем:

«...Если любишь цветок, что растёт где-то на далёкой звезде, хорошо ночью глядеть в небо. Все звёзды расцветают».

«...И ты полюбишь смотреть на звёзды. Все они станут тебе друзьями».

«...Взгляните на небо. И спросите себя: жила ли та роза или её уже нет? И вы увидите: всё станет по-другому».

Но это – уже Антуан де Сент-Экзюпери («Маленький принц», 1943 г.), мудрый Сент-Экс, ещё один великий провозвестник экокультуры – культуры нашего бытия в мире.

В оформлении заголовка использованы: фрагмент рисунка Петра Митурича (1936 г.) и работа фотохудожника Евгения Захарова (2003 г.).

Автор и ведущий пресс-акции «Покормите птиц!»
Анатолий СОСУНОВ.